

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ РѢКИ КАФЕРНИГАНА.

(Очеркъ горной Бухары).

(Окончаніе ¹).

Глава V.

Преданія старины.

Кабадіанское бекство принадлежитъ къ числу самыхъ малыхъ бекствъ въ ханствѣ и, состоя изъ трехъ амлекдарствъ: Кабадіанъ, Башканъ и Бабатагъ, насчитываетъ не болѣе 50 тыс. населенія, благодаря чему бекъ бываетъ въ немъ въ чинѣ не выше токсаба ²).

Привѣтливый, веселый и относящійся съ большою пріязнью къ русскимъ Абдуль-Гани-токсаба былъ старымъ знакомымъ, съ которымъ много разъ приходилось встрѣчаться въ бытность его амлекдаромъ въ городѣ Кулябъ и Ширабадъ.

Обмѣнявшись при первой встрѣчѣ взаимными вопросами о здоровьѣ, мы сѣли около стола, поставленнаго въ саду подъ навѣсомъ.

¹) См. «Военный Сборникъ» № 6.

²) Токсаба—подполковникъ.

Вечерній вѣтерокъ принесъ прохладу, разсѣялъ тяжелыя испаренія, стоявшія надъ городомъ, въ которомъ понемногу замирала жизнь и наступала тишина, нарушаемая лишь однообразными стуками караульщиковъ.

— Какъ поживаетъ токсаба? Давно уже вѣдь мы не видѣлись, не знаю какъ теперь ваши дѣла?

Бекъ, вздохнувъ, уныло развелъ руками.

— Полковникъ, сами знаете. Маленькое дѣло—небольшія заботы. Большое дѣло—большія и заботы. Амлекдаромъ былъ, думалъ лучше бекскаго нѣтъ житья. Самъ сталъ бекомъ, вижу хорошо жить Гиссарскому беку. Назначать бекомъ въ Гиссаръ—скажу хорошо быть кушъ-беги въ Бухарѣ.

— Ну это я знаю, что человѣкъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ. А все-таки токсаба хорошо живетъ.

— Трудно здѣсь, бекство маленькое, людей немного, а тартукъ, который вмѣстѣ съ маліатомъ надо везти скоро въ Бухару, очень большой. Вотъ и боюсь—мало пошлешь, тамъ будутъ недовольны. Много соберешь—здѣсь будутъ недовольны. Людей жалко, а собрать очень много нужно. Всѣмъ подарки въ Бухару послать нужно, а то плохо будетъ. Тамъ только и ждуть, чтобы на мѣсто бека своего человѣка послать. А здѣсь въ бекствѣ людей мало. Много земли, много воды, но некому провести новые арыки. Какъ видитъ самъ полковникъ, полей немного. Люди больше въ горахъ баранами занимаются, гдѣ пастбища хорошія. Также рогатаго скота много держать.

На время настало молчаніе и я невольно залюбовался открывающейся съ террасы картиною вечерней зари.

Огромный огненно-кровавый дискъ солнца уже приблизился къ горизонту, на которомъ рельефно выступалъ фіолетоваго цвѣта хребетъ горъ Баба-тау. Косые лучи, скользя по поверхности воды Кафернигана, отражаются въ его широкихъ заводяхъ, играя яркими искорками на быстромъ теченіи. Будто огромный пожаръ охватилъ верхушки горъ, разростаясь все шире и шире и покрывая своимъ отблескомъ всю западную часть небосвода. Черезъ минуту и горы начинаютъ принимать синеватый оттѣнокъ, а солнце постепенно уходитъ за ихъ вершины, оставляя розовую окраску неба, которая начинаетъ меркнуть, покрываясь сѣрою пеленою ночи. Рѣка темнѣетъ, начиная отсвѣчивать свинцовымъ блескомъ. Контуры горъ исчезаютъ, сливаясь съ надвигающейся ночью темнотою. И, разомъ, на небѣ зажигаются мириады крупныхъ яркихъ звѣздъ, освѣ-

щающихъ мягкимъ свѣтомъ ближайшія окрестности. Темные силуэты хребтовъ чернѣютъ, принимая причудливыя очертанія. Въ разныхъ мѣстахъ появились огни костровъ, на которыхъ готовится вездѣ ужинъ. Запахъ подгорѣвшаго кунжутнаго масла носится въ воздухѣ.

Постепенно людскіе голоса начинаютъ стихать и наступаетъ тишина, нарушаемая лишь воемъ шакаловъ и гнѣнь, рыщущихъ около людского жилья, которымъ гдѣ-то далеко, въ камышахъ, вторить ревъ тигра, смѣшивающійся съ пронзительными криками каракулака.

Будто зачарованные мы долго сидѣли молча, наслаждаясь прохладой ночи. Легкій вѣтерокъ приносилъ пріятную свѣжесть. Спать не хотѣлось.

— Полковникъ далеко думаетъ проѣхать? спросилъ, нарушая молчаніе, бекъ.

— Хочу добраться до Дюшамбе, а оттуда побывать на рѣкахъ Варзабъ-Дарѣ, Сарбо и Канязѣ; можетъ быть перейду черезъ горные перевалы и спущусь съ бухарскихъ горъ на Самаркандскую сторону.

— Я знаю, что полковникъ любитъ ѣздить; наши люди вездѣ его знаютъ. Желая, чтобы не упалъ камень изъ подъ копыта коня, а конь бы шелъ также быстро, какъ бѣлый верблюдъ великаго Хозрета Ахмета-хаджи-Ясави.

— Благодарю за пожеланія. Но пусть уже бекъ закончить этотъ вечеръ и расскажетъ мнѣ кстати, что это за бѣлый верблюдъ, задалъ я вопросъ, воспользовавшись случаемъ услышать какое-то новое для меня преданіе.

— О я знаю, полковникъ любитъ слушать, разсмѣялся токсаба, и я съ удовольствіемъ исполню желаніе такого рѣдкаго гостя.

— Почти тысячелѣтіе прошло въ жизни земли и людей съ тѣхъ поръ, какъ въ бѣдной семьѣ Кишлакъ-Адама, у Ибрагима, появился великій Хозреть, солнце ислама, хаджи-Султанъ-Ахметъ-Ясави, бывшій первенцомъ этого почтеннаго, но никому въ то время невѣдомаго челоуѣка. И съ первыхъ дней жизни отмѣтилъ Аллахъ своего Хозрета, вложивъ въ его дѣтскую головку великій разумъ, отличавшій его отъ всѣхъ другихъ дѣтей, и не походилъ онъ ничѣмъ на своихъ сверстниковъ, любившихъ игры и веселившихся среди нихъ.

Былъ онъ скромный мальчикъ съ задумчивыми глазами, печально смотрѣвшими на все окружающее. Любилъ онъ, оставаясь

одинъ, стать на молитву и мысленно уноситься къ подножью лучезарнаго престола Аллаха. Горѣло его юное сердце огнемъ вѣры и тайлъ онъ въ себѣ ту силу, которую вложилъ Аллахъ въ свое твореніе, но не зналъ Ахметъ объ этомъ, пока не пришелъ его часъ.

Бѣдно жилъ старикъ Ибрагимъ, воздѣлывая трудами своихъ рукъ небольшое поле. Вышелъ однажды, какъ и всегда, на работу, выбирать сорныя травы, заглушавшія посѣвъ. Долго трудился старикъ, чувствуя, какъ сжигаетъ горячее солнце его тѣло и изнемогаетъ оно отъ утомленія. Пришелъ въ это время на поле молодой Ахметъ, посмотрѣлъ на отца и еще сильнѣе задумался.

— Не слѣдуетъ, ата ³⁾, такъ изнурять себя въ твои годы, сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Но кто же поможетъ мнѣ окончить начатое дѣло? Если я брошу работу, заглушать все поле сорныя травы и тогда не будетъ на зиму урожая хлѣба.

— Я помогу тебѣ, ата, отвѣтилъ Ахметъ.

И ставъ среди поля, звонкимъ голосомъ крикнулъ: «сорныя травы, мѣшающія росту полезныхъ для человѣка злаковъ, выйдите вонъ!»

Разомъ послышался сильный шумъ и по всему полю, какъ будто сдуваемая вѣтромъ, стали подниматься сорныя травы и летѣть къ ногамъ Ахмета, свертываясь сами въ огромный снопъ.

Испугался старый Ибрагимъ, увидѣвъ такое чудо, поклонился въ ноги своему сыну и сказалъ:

«Аллахъ отмѣтилъ тебя великою силою, которую не далъ другимъ людямъ; примѣни ее къ дѣлу для нея предназначенному, какъ укажетъ тебѣ Пророкъ»...

Поклонился Ахметъ въ свою очередь отцу и пошелъ прямо предъ собою, опираясь рукою на посохъ.

Много разъ всходило и заходило солнце, пока онъ не дошелъ до того мѣста, гдѣ стоитъ теперь городъ Туркестанъ. Около высокихъ горъ выбралъ онъ себѣ долину. Поклонился Аллаху и взялъ посохъ въ руки, провелъ имъ длинную черту по землѣ, а затѣмъ воткнулъ ее въ глубину плодороднаго леса. И разомъ забилъ ключъ съ хрустальною водою, которая потекла по проведенной чертѣ, размывая почву все больше и больше, и образовался въ одинъ день глубокой многоводный арыкъ, достаточный для орошенія обширнаго поля. Выстроилъ себѣ Ахметъ саклю, посадилъ нѣсколько найденныхъ имъ зеренъ и сталъ жить, славя Всемогущаго.

³⁾ Ата—отець.

Пролегалa черезъ то мѣсто караванная дорога и проѣзжавшіе люди скоро узнали появившійся здѣсь холодный ключъ, утолившій жажду. Узнали и мудраго отшельника, цѣлые дни проводившаго въ молитвѣ. Рассказывали они о немъ и въ ближайшихъ и дальнихъ селеніяхъ.

И стали о немъ говорить на базарахъ, а несчастные, увѣчные и больные потянулись къ новому святому человѣку, желая слышать отъ него слово утѣшенія.

Молился съ ними вмѣстѣ Ахметъ Аллаху, простирая надъ ними свои руки и исчезали недуги у людей, уходившихъ отъ него, прославляя Хозрета Ахмета-Ясави по всей мусульманской землѣ.

Много благочестивыхъ людей, слыша объ этихъ чудесахъ, приходили къ нему, селились рядомъ съ нимъ, желая вмѣстѣ со святымъ возносить свои молитвы Аллаху. Прошло недолгое время и быстро выросъ около сакли Ахмета огромный городъ, съ благочестивыми людьми, славившими Аллаха.

И захотѣлъ Аллахъ еще больше отличить своего Хозрета, даль онъ ему чудеснаго бѣлаго верблюда съ такимъ быстрымъ ходомъ, что могъ онъ въ одинъ часъ переноситься на тысячи версть.

Воспользовался этою силою Хозретъ для прославленія Аллаха и сталъ онъ творить половину утренняго намаза около своей сакли, а затѣмъ садился на бѣлаго верблюда и, перенесясь въ священный городъ Мекку, оканчивалъ его у Каабы.

И еще больше привлекалъ Хозретъ къ себѣ сердца вѣрующихъ, прославлявшихъ могущество Аллаха.

Но однажды нашелся одинъ джугуть-кефиръ ⁴⁾, который не повѣрилъ, что можно было такъ скоро доѣхать до Мекки.

И захотѣлъ Хозретъ посрамить невѣрующаго.

Рѣшилъ онъ его взять съ собою въ Мекку и приказалъ придти джугуту къ утреннему намазу.

Рано утромъ, со смѣхомъ въ душѣ, приблизился кефиръ къ хаджѣ, стоявшему на молитвѣ, но черезъ минуту напалъ на него страхъ, когда онъ увидѣлъ, что среди облаковъ пыли несется по степи бѣлый верблюдъ, остановившійся передъ хаджей Ахметомъ и ставшій затѣмъ на колѣни.

Приказалъ хаджи ему сѣсть, сзади себя, на верблюда, причѣмъ закрыть глаза и не открывать ихъ до того времени, пока онъ не дастъ ему разрѣшенія.

Понесся бѣлый верблюдъ по воздуху, поднявшись выше обла-

⁴⁾ Джугуть—продажный, такъ звали евреевъ; отсюда и слово жидъ.

ковъ. Страшно было кефиру чувствовать, какъ вѣтеръ, завывая, несется мимо его ушей. Захотѣлъ онъ посмотрѣть, далеко ли находится земля. Открылъ онъ глаза и, увидѣвъ, что вокругъ несутся однѣ тучи надъ бездною, а земли даже не видно, разомъ потерялъ сознание и быстро сталъ падать внизъ. Долго летѣлъ онъ въ пространствѣ, думая, что уже умеръ, но, наконецъ, очнулся отъ страшнаго удара о землю... Не пришелъ еще его часъ....

Великъ и славенъ былъ въ той землѣ эмиръ Джульбарсъ, который управлялъ на той землѣ всѣми народами, на ней живущими.

Вмѣстѣ съ казіями и мударисами сидѣлъ онъ окруженный своими воинами около шатра, творя судъ надъ провинившимся. Даже привсталъ эмиръ со своего мѣста, когда увидѣлъ, что прямо передъ нимъ упалъ съ неба какой-то человекъ.

Очнулся джугуть—и снова испугался, когда сталъ его допрашивать самъ великій эмиръ. Разказалъ онъ безъ утайки, какъ все было.

Страшно разсердился эмиръ на него и приказалъ казнить, а чтобы такое нечистое тѣло не оскверняло землю, сжечь живымъ, привязавъ къ огромному дереву, росшему невдалекѣ.

Развели около дерева большой огонь и увидѣлъ джугуть, что пришелъ его часъ.

Въ послѣдній разъ захотѣлъ онъ увидѣть голубое небо и поднѣлъ глаза кверху.

И въ это время онъ замѣтилъ въ воздухѣ Хозрета Ахмета-Ясави, возвращавшагося на бѣломъ верблюдѣ изъ Мекки. Всею душою сталъ молить тогда джугуть Хозрета, прося его заступничества передъ Всемогущимъ.

И тронулъ онъ доброе сердце Хозрета. Именемъ Аллаха хаджи Ахметъ-Ясави приказалъ дереву слѣдовать за собою. Будто соломинка, подхваченная вѣтромъ, поднялось изъ земли старое могучее дерево на воздухъ и плавно понеслось за бѣлымъ верблюдомъ.

А эмиръ Джульбарсъ и всѣ его люди, увидѣвъ это чудо, упали на землю, простирая руки къ Хозрету, пролетавшему надъ ними на своемъ бѣломъ верблюдѣ.

Поднялъ свою руку Хозреть, пославъ имъ всѣмъ благословеніе. Пораженъ былъ и самъ эмиръ и всѣ его люди чудесами, которыми они видѣли своими глазами.

Загрустилъ эмиръ. Захотѣлось ему снова видѣть Хозрета хаджи Ахмета-Ясави. Отдалъ онъ свое царство младшему брату и съ вѣр-

ными людьми ушелъ въ Туркестанъ, гдѣ сдѣлался мюридомъ Хозрета и, проживъ около него всю остальную жизнь, былъ потомъ похороненъ рядомъ.

А самъ Хозретъ, творя много чудесъ, жилъ долго, славя Всемогущаго и привлекая къ себѣ всѣхъ его видѣвшихъ. Бѣлый же верблюды служилъ ему до самой смерти, ежедневно отвозя въ Мекку и привозя оттуда послѣ намаза обратно....

Поблагодаривъ бека за интересный разговоръ, мы просидѣли долго, молча созерцая красоту ночи.

Д. Логофетъ.

